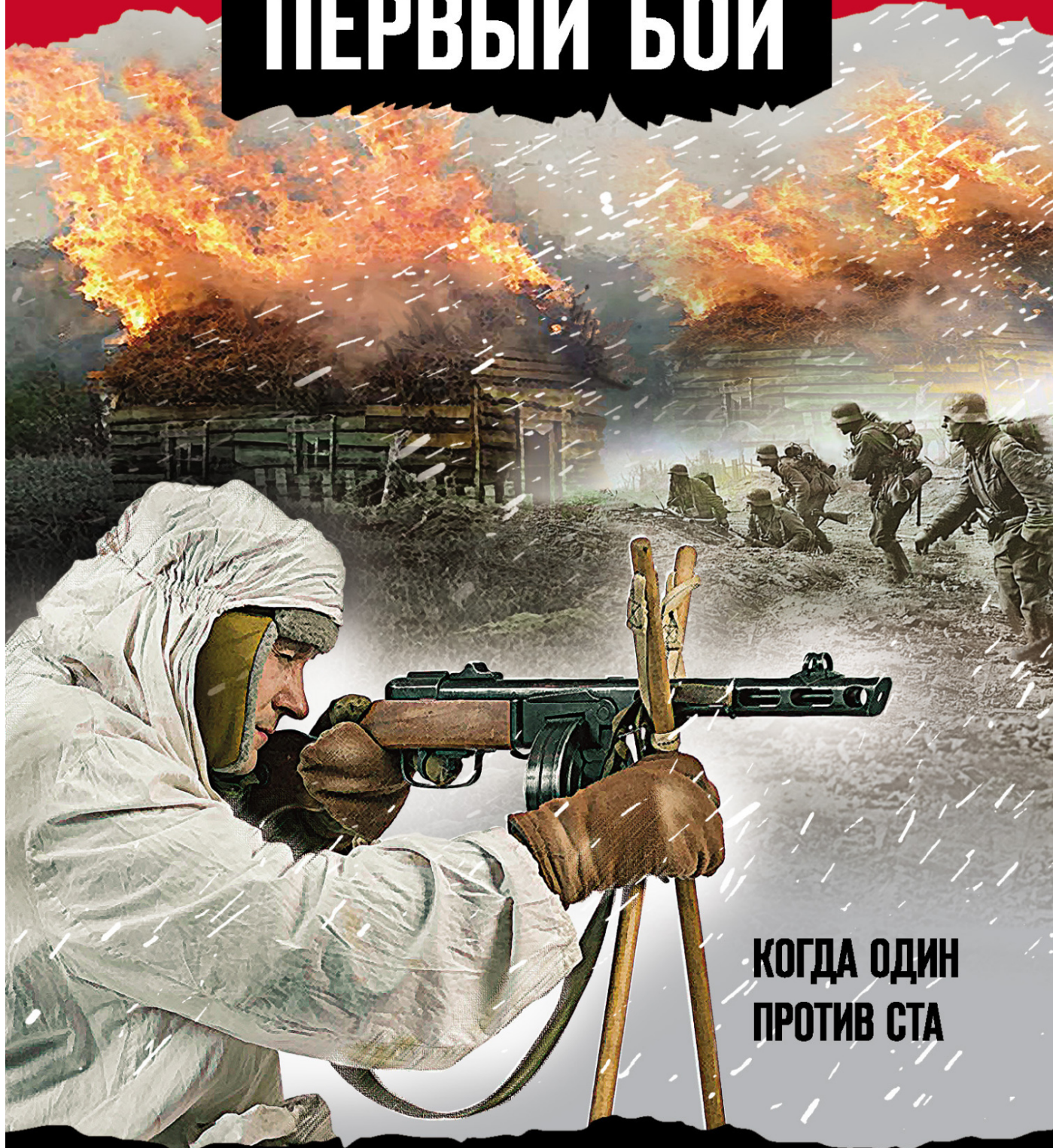

СПЕЦНАЗ БЕРЛИИ

ПЕРВЫЙ БОЙ

КОГДА ОДИН
ПРОТИВ СТА

Игорь АЛЕКСЕЕВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Игорь Алексеев

Спецназ Берии. Первый бой

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексеев И. В.

Спецназ Берии. Первый бой / И. В. Алексеев — «Эксмо»,
2022 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-172973-8

На основе реальных событий. С первых дней Великой Отечественной войны восемнадцатилетний Женька Ануфриев рвется на фронт. После строгого отбора он попадает служить в только что созданную Особую группу войск НКВД, где новобранцев готовят к диверсионно-разведывательной работе в тылу врага. В критические для страны дни отряд ведет бои на самых опасных рубежах — под Клином и Дмитровом, готовит оборонительные позиции в самой Москве... Постепенно необстрелянные «зеленые» мальчишки — Ануфриев и его товарищи — становятся опытными бойцами. Удача сопутствует отряду, пока в январе 1942 года бойцы не оказываются перед укрепленным немцами железнодорожным узлом Сухиничи... Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров — война, как она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172973-8

© Алексеев И. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
«Вставай, страна огромная»	7
Добровольцы	12
Бригада	27
Мытищи	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игорь Алексеев

Спецназ Берии. Первый бой

© Алексеев И.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

В коллаже на обложке использована фотография: © Kozlik / Shutterstock.com

* * *

Наша главная ошибка этого года заключалась в том, что мы наступали на Сухиничи. Не Сталинград и Кавказ, не «генеральное наступление» против Советского Союза в целом, а Сухиничи!
Адольф Гитлер. 12 декабря 1942 г.

Каждый помнит по-своему, иначе, и Сухиничи, и Думиничи, и лесную тропу на Людиново – обожжённое, нелюдимое...
Семён Гудзенко. 1942 г.

Пролог

В квартире 97-летнего ветерана раздался телефонный звонок. Сиделка подала трубку:
– Вас, Евгений Александрович.

Ему звонили нечасто. В основном перед 9 Мая и в сам праздник. В эти дни вспоминали сразу все: телеканалы, газеты, школы, активисты. Впрочем, был ещё один день – 7 Ноября. Накануне он традиционно получал приглашение от правительства Москвы на реконструкцию парада, в котором участвовал в далёком 1941 году. И неизменно откликался на это приглашение, каждый раз переживая своё прошлое.

Правда, в последний раз его сильно подморозили. Посадили на пластиковый стул и оставили одного. Ветер был пронизывающий. Он сидел и дрожал. Вспомнили, когда появился мэр. Помогли встать, поздороваться. Затем репортёры, как всегда... Не слушают... Прерывают на полуслове... Всё быстрее, быстрее... Никто из них и не поинтересовался, как он себя чувствует. А его буквально колотило от холода. И несколько дней потом он провёл в постели с температурой и кашлем.

Да, вспоминали нечасто. Всё свободное время он в основном проводил в компании сиделок, которые работали посменно и в вечерние часы покидали его квартиру. Далее для него начиналась мука. Он оставался один в пустом, безлюдном пространстве. От этого одиночества хотелось выть.

Всю жизнь занимавшийся интеллектуальным трудом, профессор, доктор философских наук, он не выносил умственного бездействия. Его мозг требовал постоянной подпитки. И хотя немного спасали книги и свежие газеты, ему надо было не только брать, но и отдавать. Не хватало живого общения с заинтересованным собеседником. Хотелось рассказывать и рассказывать о пережитом. Пока жив, поскольку в его возрасте каждый прожитый день был подвигом.

Неужели никому не интересна правда о войне? То, что он видел собственными глазами? Сколько лжи и грязи заполонило экраны телевизора. Сколько сомнительных книг и публикаций выпущено о том времени. Сколько непотребностей вылезло наружу. Одну из таких статей не так давно он прочитал в своей любимой «Литературке». «Правда солдата Никулина» – так, кажется, она называлась. Он читал и задыхался от возмущения. Ну разве можно печатать такое!

Вот он действительно никогда не врал. Говорил только правду. Всегда. Всю жизнь. В глаза. Любому. Таков характер. Такая закалка. Военная. «Жить не по лжи» – хороший девиз, жаль, принадлежит одному из самых подлых людей современности. Если бы конкретно его, Евгения Ануфриева, спросили, какое напутствие он хотел бы адресовать потомкам, он бы ответил: «Живите честно!» Это было его кредо. Прислушается ли кто-нибудь к нему сегодня? Вряд ли. Времена другие...

– Евгений Александрович, вы слышите? Вас спрашивают, – повторила Галина.

Ах, да! Он взял трубку.

– Алло.

– Здравствуйте, Евгений Александрович.

Хотя Ануфриев и пользовался слуховым аппаратом, но сумел различить приятный мужской голос.

– Здравствуйте, – ответил он.

– Моя фамилия Аверкин. Не могли бы мы с вами встретиться? Я хочу подробнее узнать о своём дяде. Я знаю, вы воевали вместе с ним...

«Вставай, страна огромная»

– Какая ночь! Это просто сказка!

Тоня подпрыгивала от радости, цепко ухватившись за его руку. Подол её платица развевался от этих движений, оголяя колени. Белые туфельки гармонировали с тканью в мелкий горошек, а каштановые локоны делали и без того миленькое личико настолько очаровательным, что он постоянно пытался найти предлог приблизиться к ней на расстояние дыхания, а может, и ближе.

Сегодня уже третья ночь, которую они, гуляя по Москве, проводят вместе. Третья после успешной сдачи экзаменов и получения аттестата о среднем образовании. Очередная тёплая июньская ночь. И ему кажется, что сегодня он непременно должен её поцеловать.

– Даже не верится, что всё позади! Все эти экзамены, переживания, зубрёжки... – Тоня кружила и кружила не переставая. – Ты хоть понимаешь, что мы вступаем во взрослую жизнь? Настоящую взрослую жизнь! Где все решения предстоит принимать самим!

– Эка невидаль! Получается, я чуть ли не с семи лет живу взрослой жизнью. – Он улыбнулся, чтобы его слова не выглядели бахвальством.

– А и правда, Жень, расскажи о своей семье. Я только слышала, что ты с малых лет без родителей. Каково оно? Трудно небось?

«Какая она наивная, эта Тонька, – подумал он, – наивная и непосредственная». Может, этим она и подкупила его. А ещё лёгким характером и неугасимым оптимизмом.

– Пойдём-ка присядем, – предложила она, видя, как ухажёр от такого предложения слегка сконфузился. – Давай рассказывай! Мне правда интересно.

Это прозвучало так доверительно, что он невольно сдался.

– Маму я вообще не помню. Два года мне было, когда её не стало. Знаю, что трудолюбивая была очень. Да у нас вся семья трудолюбивая. Мы же родом из-подо Ржева, тверские. Дед с бабушкой ещё в крепостных ходили, но потом выкупили у помещика землю и такую ферму отгрохали, ты бы видела! Хутор практически! И всё своим трудом. Пять коров, три лошади, овцы, пасека своя. Двухэтажный дом.

– Ух, куркули какие! – незлобно сказала Тоня.

Но, видно, эта тема для Жени была болезненной.

– Какие ж куркули? Нас, почитай: дед, бабушка, мать с отцом и девять детей от мала до велика. И все с утра до вечера либо в поле, либо на хозяйстве. Всё своим горбом. А после революции свою же землю и свой же хутор пришлось у государства взять в аренду. Второй этаж в доме заняла коммуна. Так вот представь, наши старшие уже с поля идут, а коммунары только глаза продирают. Из-за них небось отец-то и пошёл по этапу. Кто-то во время продрозвёрстки в его зерно грязь подсыпал. Сам бы он никогда такого не сделал. Пять лет с конфискацией. 1928 год. Вот с этого времени я и остался без родителей. Отец хотя и вернулся потом, но прожил недолго.

– Так ты, наверное, должен люто ненавидеть советскую власть?

– По логике, вроде так, но на самом деле в нашей семье этот вопрос даже не поднимался. Все всё понимали. Лес рубят – щепки летят. А власть – она народная, своя власть. Как её не любить? Мы всегда были патриотами.

Женя вдруг осознал, что от рассказа об истории семьи незаметно перешёл к пролетарским лозунгам и решил немедленно исправиться.

– А знаешь, какие у меня братья и сёстры? Это же просто уникальные люди. Все получили воспитание и хорошее образование, достигли больших успехов. Старший брат, Иван, который мне практически вместо отца, так как разница у нас в возрасте двадцать лет, окончил МВТУ. Инженер-строитель. Правда, не могу тебе сказать, каким он строительством занимается, это

закрытая информация. Второй брат, Иннокентий, тоже инженер, только литейщик, на «Станколите». Третий – Николай – геодезист. Ну и сёстры от них не отстают. Татьяна окончила сельскохозяйственный институт, Шура – педагог, а ещё Мария, Тоня, Нина... Что-то я тебя совсем заговорил. Ты небось из вежливости поинтересовалась, а я и давай распинаться.

– Ну что ты, что ты, очень интересно!

– Да? – усмехнулся Женя. – А хочешь, скажу, к чему меня братья прирастили?

– Угу, – почти по-детски заморгала глазами подружка.

– К охоте! – многозначительно сказал Женя. Было видно, что он придаёт этому очень важное значение и считает чуть ли не главным достижением для своего молодого возраста.

– Мы и на уток, и на зайцев ходили. Знаешь, как сложно в бегущего зайца попасть, когда он из стороны в сторону по кочкам шарается? А в утку? Надо уметь высчитывать траекторию её полёта. Я и белок бил. Не в глаз, конечно, но добывал.

– Ой, Женя, они же все такие милые. Как можно? Жалко же!

– Знаешь что, Тоня, это извечное мужское занятие. Можно сказать, самая древняя мужская профессия. Мужчина – всегда добытчик. Да и навыки, между прочим, очень даже могут пригодиться, всё-таки в беспокойное время живём. А природу я не меньше любого другого люблю. А подмосковную природу так вообще обожаю.

– Слушай, Женя, – Тоня вдруг решила перевести разговор в другое русло, – давно хотела тебя спросить... Не знаю, удобно ли?

– Валяй, чего там... – Жене было хорошо с ней, не напряжно. По крайней мере, какого-то подвоха с её стороны ждать не приходилось.

– Что у тебя с пальцем? Чем это ты его?

– Ах, это... – сказал Женя в задумчивости. Он даже демонстративно повертел перед глазами указательным пальцем правой руки. Фаланга была укороченной и слегка искривлённой. – Да уж, красивого мало...

– Да я не об этом, ты не подумай! Больно, наверное, было?

– А я и не помню даже. Мне ещё и двух лет не было, когда это случилось. Говорят, кричал как оглашенный. Ну ещё бы!

– А что произошло-то?

– Что произошло? А вот ты, к примеру, знаешь, что такое медогонка?

– Нет.

– Ну да, откуда тебе? Ты ж городская, – ухмыльнулся он незлобно. – Это такой металлический бак для отжимания мёда. Я же тебе рассказывал, что у нас пасека была. Так вот, к баку приделана ручка, при вращении которой центробежная сила выталкивает из сот мёд. Но, кроме ручки, в этом баке ещё есть шестерёнки, и все такие красивые. Я в детстве очень любил наблюдать за их вращением, а однажды просто не сдержался и сунул палец. А брат знай себе крутит, не сразу остановился.

Тоня даже поморщилась, представив эту жуткую картину. Женя, заметив это, решил приободрить подружку.

– Но ничего, как видишь, жив-здоров, – сказал он весело. – Даже неплохим охотником заделался.

– Как же ты стреляешь? Это же как раз этим пальцем и надо давить...

– Приспособился другим, средним. Вот, правда, само ружьё сложновато на двух оставшихся удерживать, но при определённой сноровке и с этим можно справиться.

Женя улыбнулся открытой улыбкой. Ему нравилось выглядеть перед сверстницей, к которой он испытывал симпатию, не лишённым мужества человеком.

– Слушай, я о тебе так много узнала. А то обычно всё хиханьки да хаханьки. А сегодня ты мне открылся совершенно другим. Интересным. Глубоким. Надёжным.

Глаза молодых людей встретились. Он разглядел в её взгляде что-то такое, что и без слов заставляет следовать взаимному притяжению...

Блаженство первого поцелуя прервал грубый старческий голос:

– Эй вы, голубки! Ишь ты, расселись тут! Ещё неприличия всякие вытворяют. А ну кыш, пока не напощал!

Парочка вскочила и понеслась от свирепого ревнителя нравов, который хоть и махал им вслед метлой, но делал это без злобы и даже посмеивался в густые прокуренные усы.

Женька Ануфриев был не из тех, кто пасовал в подобных ситуациях. При других обстоятельствах он бы нашёл что ответить напустившему на себя суровость дворнику, но тут сработали молодецкое озорство и солидарность с не на шутку испугавшейся спутницей.

Пробежав не меньше квартала, Женя и Тоня остановились и на сбивчивом дыхании стали в голос смеяться.

– Хорошо провели время, – немного отдышавшись, сказал Женя.

– Ага, и даже с приключениями, – как всегда, сверкнула белозубой улыбкой Тоня.

– Смотри-ка, шесть уже, – глянул он на часы. – А спать совершенно не хочется. Сейчас забегу домой, позавтракаю и махнём с ребятами куда-нибудь. Воскресенье всё-таки.

– Куда, если не секрет?

– Ну, либо на «Динамо», либо в Сокольники. На «Динамо» сегодня парад и массовые соревнования физкультурников. В Сокольниках тоже какое-то молодёжное гулянье.

– К институту-то готовиться думаешь?

– А как же! Обязательно! Сейчас от школы немного отдохну – и вперёд!

– Ну ладно, пока. Ты не подумай ничего такого...

– Да что ты! Это была самая сказочная ночь в моей жизни! Вечером на этом же месте?

Тоня ничего не ответила, за неё говорила её улыбка.

Евгений с сестрой обитали в районе Никитских ворот. Комнатушка была совсем маленькой – около девяти метров. Отопление печное, как у многих. Жили хоть и нелегко, но хорошо, дружно. Да и много ли нужно было?

Поелозив ключом в замочной скважине, он открыл дверь и позвал:

– Шура! Ты дома?

Никто не ответил. Всё понятно: уже убежала. Она с утра мыла полы в какой-то конторе – подрабатывала. Какая ни есть, а копеечка в дом. Хотя братья и подкидывали ей на содержание младшего отпрыска семейства Ануфриевых по 50 рублей каждый месяц, но всё равно приходилось крутиться, чтобы ни в чём не знать нужды. Парень рос, затрат требовалось всё больше. Вон даже на прошлогоднюю демонстрацию на Красной площади пришлось надеть чужой костюм, своего не нажили ещё.

Спать не хотелось. На столе, накрытая белым вафельным полотенцем, стояла тарелка с варёной картошкой и аппетитно пахнущей курочкой. Правда, в этой, по сути, роскошной пище Евгений поковырялся совсем немного. Но зато с удовольствием выпил большую кружку чая.

Ел он обычно мало, ровно столько, сколько было нужно для нормальной жизнедеятельности. Женя всегда был худым и подвижным. Любил спорт, но спорт скоростной – бег, лыжи. В школе в этих состязаниях ему не было равных.

Многие девчонки заглядывались на парня. Он не был красавцем, стеснялся своего крупного, с горбинкой носа, но была в нём другая привлекательность, то, что принято называть обаянием. К тому же глаза выдавали умного и эрудированного юношу. Речь его хоть и была быстрой, но пустословить он не любил.

«Ладно, покемарю. Хотя бы часик. Ребята тоже небось всю ночь куролесили».

Его разбудил стук в дверь.

– Дядь Жень, дядь Жень!
– Чего орёшь! – закричал Ануфриев, недовольно протирая глаза. Он узнал по голосу соседского Лёшку, неугомонного мальчишку, которому до всего было дело.
– Дядь Жень! – продолжал стучать Лёшка, будто не слыша окрика.
«Ну я те щас наkostenю». Женька решительно направился к двери.
– Ну, чего расшумелся? – Он резко открыл дверь. – Давно по шее не получал?
Лёшка от неожиданности потерял дар речи. Он только моргал и молча, как рыба, открывал рот.
– Что случилось-то? – Женя перешёл на более миролюбивый тон.
– Там, это... По радио...
– Чего по радио?
– Важное сообщение...
– Ну и что?
– Война будто...
– Чего-чего? Война? Это кто тебе такое сказал?
– Во дворе говорят. Сейчас Молотов выступать будет.
Женька мельком глянул на часы – 12.00.
– А ну, пойдём, малец. – Он потянул с вешалки кепку.
Они вышли во двор, где было непривычнолюдно. И ладно бы народ куда-то спешил или просто прогуливался, выходной день всё-таки, ан нет, все стояли кучками и переговаривались. Мужики сосредоточенно курили.
Женька увидел компанию знакомых ребят и примкнул к ним.
– Чего ждём? – спросил он, обменявшись рукопожатиями.
– С минуты на минуту передадут важное правительственное сообщение... – выдал один из мальчишек. – С утра ждут.
«Вот те на... Неужто правда?..» – только и подумал Женька.

На часах было 12.05, но радиоточка у памятника Тимирязеву на Никитских воротах молчала. 12.10 – эфир по-прежнему безмолвствовал.

Пока народ томился в ожидании, по ту сторону репродукторов шло приготовление к выступлению народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Молотова.

Сам Вячеслав Михайлович прибыл в здание Радиокomiteта в 12.08. К этому времени все выходы и коридоры в доме на улице Качалова были оцеплены чекистами.

Молотов сел за стол, раскрыл папку и пробежал глазами приготовленную для эфира речь. Это был отредактированный членами Политбюро черновик, который набросал сам Молотов. Слова «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!», впоследствии ставшие крылатыми, были сформулированы лично им.

В 12.14 Молотов встал и прошёл в студию к микрофону. Страна к этому времени затаила дыхание, готовая внимать каждому его слову.

К Молотову подошёл дежуривший в этот день корреспондент «Последних известий» Николай Стор и налил в стакан нарзана.

– Уберите всё лишнее! – резко сказал Молотов.

Наконец в репродукторах зазвучал голос Левитана:

– Товарищи! Внимание! Прослушайте важное правительственное сообщение! Слово предоставляется заместителю председателя Совнаркома СССР, народному комиссару иностранных дел СССР Вячеславу Михайловичу Молотову.

Волнение стало заметно с первых же слов.

– Граждане и гражданки Советского Союза... – сказал он, поставив ударение в слове «гражданки» на первый слог. Потом в течение речи он ещё несколько раз путался в ударениях и запинаясь.

Тем не менее слова Молотова доходили до сердца каждого слушателя. Большинство из них ещё до конца не осознавало трагичность момента, поэтому люди искоса поглядывали на соседей, следили за их реакцией.

После слов о вероломном вторжении фашистских захватчиков в толпе послышался ропот: «Война... война...»

Когда Молотов вошёл в кабинет Сталина, тот встретил его словами:

– Ну и волновался ты. – Однако сразу же добавил: – Но выступил хорошо.

Сам Сталин отказался выступать, мотивируя тем, что политическая обстановка неясна и будет лучше, если он выступит позже.

Ещё девять раз в этот день вплоть до окончания трансляции в 23.00 заявление правительства зачитывал Левитан.

Но народ уже был погружён в свои хлопоты. Жизнь внезапно приобрела другие краски. Всё, что происходило до этого дня, вдруг показалось людям мелким и никчёмным. Впереди была пугающая неизвестность.

Добровольцы

Психологически уже многие были готовы к предстоящей войне. Не был исключением и Женя Ануфриев. Наступление войны было всего лишь вопросом времени. Вот только никто не мог представить, что это будет за война, какого невероятного масштаба бедствие для всех и для каждого. Испытание на живучесть, на твёрдость характера, на силу воли.

Всё плохое из людей война вытаскивает наружу. Так же станет и с хорошим. Просто в подобных испытаниях невозможно быть наполовину хорошим или наполовину плохим. В таких случаях полумер не бывает. Ты либо опускаешься до низости и предательства, либо возвышаешься в каждом своём поступке, не преследуя какой-либо выгоды, просто потому, что не можешь иначе. Только самоотдача, только жертвенность, чаще всего ведущая к гибели. Но именно в такой жизни и есть какой-то смысл. Не прозябание, а поступок!

Как потом запишет в своём дневнике его будущий однополчанин Семён Гудзенко: «Война – это камень преткновения, о который спотыкаются слабые. Война – это камень, на котором можно править привычки и волю людей. Много переродившихся людей, ставших героями».

А пока Женя находился на стадии постижения этих незыблемых истин. Впрочем, как и каждый человек, ставший на путь суровых испытаний.

Ещё несколько часов после официального объявления о начале войны город как будто бы жил мирной жизнью, но всё равно это был уже не тот город. На лицах горожан появилась озабоченность, все вдруг куда-то заспешили.

Остальные объявления по радио касались в основном организационных вопросов, связанных с мобилизацией на фронт, бдительностью, соблюдением мер безопасности и прочим. Зачитывались бесконечные постановления различных инстанций. Например, приказ № 1 заместителя председателя исполкома Моссовета, начальника МПВО Фролова гласил: «В связи с угрозой воздушного нападения на город объявляю в Москве и Московской области с 13 часов 22 июня 1941 года угрожаемое положение». Так и было сказано «угрожаемое положение», что было даже как-то не по-русски. Но кто тогда обращал внимание на такие мелочи. Всему населению, руководителям предприятий, учреждений и домоуправлений города и области надлежало точно и в срок выполнять правила МПВО и приводить в боевую готовность убежища.

Во многих учреждениях и на предприятиях начались стихийные митинги. На улицах можно было заметить мчавшихся на мотоциклах фельдкурьеров с полевыми сумками.

Вернулась Шура.

– Ах, Женя, что же это такое? Ты слышал?

– Да слышал я, Шур.

– Что же теперь будет?

– Да ничего не будет. Воевать будем. Родину защищать. Сказано же: «Наше дело правое! Победа будет за нами!»

– Всё равно страшно.

– Не волнуйся, всё будет нормально. – Чтобы приободрить сестру, Женя даже приобнял её, что делал крайне редко. – Поехал-ка я, ребят поищу. Надо что-то предпринимать. Вон в военкоматах уже очереди – люди на фронт рвутся. Что же, сидеть ждать, что ли?

Шура не возражала. Брат всегда был самостоятельным, и переубедить его было бесполезно.

Учитывая обстановку, Женя решил поехать в школу. Его расчёт оказался верным: там он застал основной костяк своих друзей-одноклассников. Вопрос у всех был один: «Что делать дальше?»

– Ребята, чего тянуть, айда в военкомат! Прямо все вместе! – запальчиво призывал Витя Пастернак. – Возраст у нас призывной, нас просто обязаны направить на фронт. Может, и служить вместе попадём. А там мы дадим этим фрицам! Они ещё не знают, с кем связались!

– Да понятно, Вить, но ты всё-таки не горячись, – заговорил более рассудительный Серёжа Овсянкин. – Мы все хотим поскорей оказаться на фронте. Но ты же слышал, в первую очередь призываются лица 1905–1918 годов рождения. Пока их не выберут, нам в военкомате делать нечего.

Женя уже готов был выразить своё мнение, но тут появился школьный комсорг Миша Межибовский.

– Так, чего судим-рядим, а, герои-добровольцы? – с насмешкой сказал он.

Никто особо не отреагировал на его издёвку, и Межибовский решил взять быка за рога:

– А ну, кто хочет Родине послужить, шаг вперед!

Все аж повскакивали от таких слов:

– Говори, что делать!

– А дело, ребята, самое что ни на есть ответственное, – перешёл он на заговорщический тон, что ещё больше подзадорило компанию. – Мы с вами пойдём в военкомат... – Он сделал многозначительную паузу.

– Ну, не тяни! – толкнул его под локоть Пастернак.

– Ну, правда, Миш, чего тянешь-то? – с еле скрываемой обидой в голосе сказала Маша Бычкова.

– Пойдём в военкомат и будем разносить мобилизационные повестки, – выпалил Михаил. – Нам поручено доставить их адресатам нашего района.

Раздался всеобщий вздох сожаления.

– Да-да, это тоже очень важная и ответственная работа. А вы как думали! От нас с вами будет зависеть бесперебойная работа мобилизационной кампании. Сами понимаете, сейчас каждый час, каждая минута дёроги.

– Да что ты нас уговариваешь! Надо – значит, надо. Да только мы и сами бы на фронт не прочь попасть.

– Пока будем разносить, я всё как следует узнаю. Так сказать, прошупаю обстановку. Что-нибудь придумаем.

– Ну вот, это другое дело.

– Где там твои повестки?

– Это завтра. Сегодня они только выписываются. Сами понимаете, с таким количеством народа надо ещё разобраться. Всю ночь, наверное, будут работать. Встречаемся завтра в десять часов у военкомата. Сретенка, 11, помните? И попрошу без опозданий! – пригрозил пальцем Межибовский. – А сегодня пока по домам.

Что же происходило в пограничных районах Советского Союза, принявших на себя первый удар агрессора?

На рассвете 22 июня 1941 года специальные разведывательно-диверсионные подразделения германских вооружённых сил захватили основные мосты на приграничных реках Мемель, Неман, Буг, Сан и Прут. Лишь несколько мостов на 1600-километровой линии западной границы СССР (от Балтики до Чёрного моря) советские сапёры успели взорвать вовремя.

Начался блицкриг, то есть молниеносный прорыв вглубь территории СССР трёх групп армий фашистского вермахта. Главная цель «молниеносной войны» – окружить и разгромить основные силы Красной армии в полосе 250–300 километров от границы и затем перейти к

такому же молниеносному наступлению на Ленинград, Москву и на южном участке фронта выйти к Кавказу и Волге.

По расчётам фашистских стратегов, после начала военных действий Красная армия должна быть разбита в двухмесячный срок, то есть до конца лета 1941 года. Приказ Гитлера за восемь недель выйти на рубеж Астрахань – Архангельск должен быть выполнен во что бы то ни стало. На острие главных ударов действовали специальные подразделения особого диверсионного соединения гитлеровцев – полка «Бранденбург-800».

Специальное подразделение германских вооружённых сил – 800-й строительно-учебный полк особого назначения «Бранденбург» – было создано при активном участии руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса. Наименование «строительно-учебный» было присвоено соединению исключительно для конспирации. Главные задачи подразделения в условиях военных действий – диверсии в тылу противника, глубокая разведка, уничтожение коммуникаций, узлов связи, захват мостов, аэродромов, бункеров, стратегических объектов любого уровня охраны.

Уже в первой декаде июля 1941 года немцы форсировали верховья Днепра в районе Могилёва, Рогачёва и Орши, и не последнюю роль в успешном наступлении на этом участке фронта сыграли диверсанты «Бранденбурга».

16 июля пал Смоленск. Именно в этот день советский разведчик Шандор Радо сообщил радиোগраммой из Женевы в Центр: «Цель наступления немцев – Москва».

Утром 23 июня в магазинах выстроились огромные очереди. Скупалось всё: крупа, сахар, мыло, соль, спички, керосин. Продукты не успевали подвозить. Очереди появились и в сберкассах – люди снимали денежные накопления.

Ровно в 10.00 вчерашняя компания собралась у входа в Ростокинский районный военкомат.

– Вот и молодцы! – похвалил Мишка. – Сейчас всё организуем.

И скрылся за дверями учреждения, которые между тем не закрывались. Люди, мужчины и женщины, сновали туда-сюда почти не переставая. Все друг с другом о чём-то спорили, что-то друг другу доказывали – все были необычайно возбуждены.

Через некоторое время с пачкой повесток из дверей военкомата вышел Михаил.

– Ну, друзья-товарищи, вот и наше с вами комсомольское задание. Строго подотчётные документы. Каждому адресату – лично в руки. Осознаёте ответственность?

– Кончай, Миш, не дети малые, – сказал кто-то из ребят.

Настроение у всех было паршивое. Не самое это приятное занятие – разносить повестки. Но и это кому-то надо делать.

Каждому досталось по семь-восемь адресов, которые были расположены достаточно кучно. По многим из них гонцов уже ожидали и даже встречали словами: «Ну, где вы ходите?» Повестка была той необходимой формальностью, которая требовалась для решения организационных вопросов, связанных с увольнением с работы. Но были адреса, где на курьера смотрели с нескрываемой неприязнью, хотя за получение повестки всё равно расписывались.

С 25 июня в Москве было введено военное положение. Воздушные и учебно-боевые тревоги постепенно становились нормой. Город начал привыкать к условиям военного времени.

К Ануфриеву зашёл его одноклассник и самый близкий друг Ваня Жаров.

– Слышал о новом постановлении Совнаркома? – сказал он, доставая из-за пазухи газету.

– Что за постановление?

– О добровольной сдаче велосипедов, фотоаппаратов и радиоприёмников. Да вот, сам почитай. – Он бросил на стол свежий номер «Сталинского знамени». – На первой полосе, внизу.

«Внимание владельцев радиоприёмников, – прочитал Женя заголовок. – Согласно постановлению СНК СССР от 25 июня 1941 года № 1750, все без исключения граждане, проживающие на территории СССР, обязаны не позднее 30 июня сего года сдать органам Народного комиссариата связи на временное хранение, на время войны, под соответствующую квитанцию радиоприёмники и радиопередатчики всех без исключения типов и назначений, в том числе автомобильные».

– А где про фотоаппараты и велосипеды?

– Там, дальше, на второй.

– «За несдачу радиоприёмников и передатчиков в установленные сроки, – продолжал читать Женя, – виновные несут уголовную ответственность по законам военного времени».

– Да, серьёзно, – протянул он. – Ну ладно, приёмники и фотоаппараты, а велосипеды-то тут при чём?

– Ты что, не понимаешь? Всё нацелено на борьбу с диверсантами! Любой с виду обычный гражданин может на поверку оказаться диверсантом. Нельзя давать ему и шанса реализовать свои планы!

– Согласен. Но всё-таки при чём тут велосипеды?

– А при том! Пешком по городу перемещаться несподручно, так?

– Ну да.

– Вот! А при отсутствии велосипеда он волей-неволей будет вынужден воспользоваться метро или трамваем. А там так или иначе попадёт под внимание. Да и установить за ним скрытую слежку таким образом легче.

– Это ты сам придумал?

– Но это же очевидно!

– Ну да, конечно, – согласился Женя, чтобы не спорить с другом. Всё-таки какая-то логика в его словах была. – Вот только сдавать нам с тобой особо нечего, – продолжил он. – Ни радиоприёмников, ни фотоаппаратов, ни тем более велосипедов мы пока не нажили.

– Это да. А у тебя ведь была мечта купить велосипед.

– Ну вот и пусть пока остаётся мечтой. Ты лучше думай, как нам на фронт попасть.

– А что тут думать? Надо в райком комсомола идти.

– А как же военкомат?

– Через военкомат, по-моему, не скоро получится.

Целую неделю ребята носили повестки, пока Женя не задал Межибовскому вопрос:

– Слушай, Миш, помнишь, ты обещал поговорить насчёт нас с военкомом?

– Ах да, конечно! Заработались мы что-то с вами, ребята. Давайте я в понедельник схожу и всё узнаю. Я уже там вроде как свой. Да и вы успели примелькаться.

И действительно, 30 июня он вышел из военкомата уже без привычной кипы листов.

– Так, команда! Все – за мной! Сейчас будем окучивать военкома. Я упробил его об аудиенции.

Первым пошёл Пастернак. Однако по истечении двух-трёх минут вышел расстроенный. Можно было даже не спрашивать о результате. Но Маша всё же поинтересовалась:

– Ну что, Вить?

– Молод ты ещё, говорит, надо будет – вызовем. И вообще, не мешай работать. Это мы-то мешаем!

– Ребята, а пойдёмте все вместе! – предложил Овсянкин. – Насядем как следует, глядишь, и сдастся.

– Пошли! – поддержали остальные, и вся компания ввалилась в кабинет военкома.

– Это ещё что такое! – встретил их грозным окриком хозяин кабинета.

Все тут же спасовали. Нашёлся только Межибовский:

– На войну хотим, товарищ майор!

– На войну? Я же только что объяснил вон тому, долговязому, что рано вам ещё, молоды вы слишком. Или я каждому отдельно должен это объяснять?

Все смолкли, не зная, что сказать.

– Ладно, присаживайтесь, – военком сменил гнев на милость. – Слушайте меня, пацаны. И девчонки, – покосился он на Машу. – Тут дело такое. Враг силён и коварен. Не могу я вас сейчас, таких зелёных, посылать в самое пекло. Война только набирает обороты. Как оно дальше будет – неизвестно. Вернее, известно, что мы костями ляжем, но страну не сдадим. Но для этого надо рассчитать силы. А не бросать сразу всё, что имеем, на врага. Сейчас первая волна уже бывалых вояк схлынет, и мы начнём обучать военному делу именно вас, новичков, чтобы вы уходили на фронт подготовленными, а не на верную гибель. Понятно вам это?

Присутствующие понимающе закивали.

– Поэтому давайте договоримся. Вы пока не будете отрывать меня от работы. Уж поверьте, мне её без вас хватает. Я уже неделю практически не сплю. А как только всё наладится, и вам найдётся дело. Ещё героями станете! Вы же хотите быть героями? – улыбнулся он.

Ребята засмутились.

– Да ладно, это я так, для поднятия духа. В общем, надеюсь, мы друг друга поняли. А чтобы вы не сомневались в искренности моих слов, вот вам бланки заявлений, заполняйте, я их передам в райком комсомола, как только время подойдёт, вас обязательно вызовут. Договорились?

Ребята закивали, разбирая бланки. Он встал, давая понять, что разговор окончен. Молодёжь тоже повскакивала с мест и, попрощавшись, направилась к двери.

Из кабинета все вышли вдохновлённые. Может быть, именно такой разговор им и был нужен – честный, мужской, не напористый и в то же время без сюсюканий.

Теперь они были спокойны – их заявления приняты в работу. Каждому представлялось, как эти заполненные неровным от волнения почерком бумаги проходили инстанцию за инстанцией, приближая отправку на борьбу с фашизмом. На самом же деле заполненные ими бланки заняли своё место в неровной пачке таких же бумаг на столе военкома. Их дальнейшая судьба была неизвестна даже ему самому.

Время шло, каждый день был насыщен событиями. 3 июля ознаменовалось тем, что по радио наконец-то выступил сам товарищ Сталин. Это было его первое с момента начала войны обращение к народу.

Догадки у людей по поводу затянувшейся реакции вождя на такое важное событие, как война, были разные. Естественно, не обошлось и без самых абсурдных. Многие полагали, будто бы у Сталина началась нервная депрессия. Но, если обратиться к записям в журнале посещений кабинета главы государства, только 22 июня состоялось 29 визитов высокопоставленных государственных лиц и военачальников. В их числе были Жуков, Ворошилов, Молотов, Ватутин и другие. Мог ли правитель, находясь в депрессии, вести такую активную работу?

Как известно, Иосиф Виссарионович был сторонником взвешенных решений, и в конечном счёте жизнь доказала, насколько была оправданна такая политика. Отсрочка его обращения к народу только усилила степень глубины содержания самой речи. Каждое слово в ней, каждая мысль несли конструктивный характер.

Речь начиналась словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Одно это уже говорило о многом. Если опустить мало-подходящее для официальной речи «друзья мои», то сугубо православное «братья и сёстры» наводило на мысль об ослаблении религиозной разобщённости на фоне надвигающейся опасности.

Далее Сталин рассказал о тяжёлом положении на фронте, о занятых врагом областях, бомбардировках городов и так далее. Важно было, что в своей речи он дал несколько ответов на главный вопрос: «Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, какие меры нужно принять, чтобы разгромить врага?» В его понимании – это осознание народом глубины опасности, стремление мобилизоваться, недопущение паникёрства и трусости, перестройка экономики на военный лад. Одним из тезисов речи Сталина звучал призыв создавать народные ополчения и вести партизанскую войну в тылу врага.

В тот же день речь Сталина была опубликована в газете «Правда», а 4 июля вышло постановление ГКО «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

Ребята продолжали ставшую уже привычной работу. Доставка повесток особого восторга им не приносила, но все относились к этому как к безусловной необходимости.

4 июля Овсянкин пребывал в явно приподнятом настроении.

– Ну что, почтальоны, не надоело бумажки разносить? – сказал он заносчиво.

– Знаешь что, кончай издеваться, – недобро зыркнул на него Виктор.

– А никто и не издевается. Вы вчера выступление Сталина слышали?

– Ну?

– Что «ну»? Появилась реальная возможность попасть на фронт!

– Как? – Глаза ребят заблестели.

– Всё понятно. Слушали невнимательно. Или недопоняли. А фраза «народное ополчение» вам что-то говорит?

– Да не тяни ты резину! – не выдержал Женька.

– В общем, так. – Сергей по примеру Межибовского перешёл на заговорщический тон. – Ростокинский райком партии с сегодняшнего дня начал формировать народное ополчение. Так вот, я узнал, что туда берут всех от мала до велика.

– С пелёнок, что ль? – съязвил Женька.

– Ну, это я образно. Набирают разных возрастов, чуть ли не с 15 лет, если, конечно, припишешь себе год-другой, ну и совсем уже пожилых. В общем, это наш шанс.

– Пожалуй, да. А то так и будем всю войну повестки таскать. – Витька загорелся идеей.

– Куда идти? – Женьке, как и многим, не терпелось начать действовать.

– Не поверишь, один из пунктов набора в народное ополчение – наша родная школа. Там уже всю идёт запись. Так что предлагаю не медлить.

На школьном дворе они застали невиданное оживление. Прямо у главного входа были установлены столы, накрытые бордовыми скатертями. За столами восседали «столоначальники», которые вели приём всех желающих вступить в ополчение. На запись каждого добровольца отводилось от силы две-три минуты. Вопросы к новобранцам были стандартные и по большей части формальные.

– Фамилия, имя, отчество?

– Ануфриев Евгений Александрович.

– Фамилия через «а» или через «о»?

– Через «а».

– Число, месяц, год рождения?

– 3 января 1922 года.

– Состав семьи?

– Сирота. Только сёстры и братья. Живут в основном отдельно.

– Жалобы на здоровье есть?

– Нет.

– Предварительно зачисляетесь бойцом. Вот вам памятка, что нужно иметь при себе. Необходимо явиться 6 июля к заводу «Калибр». Знаете, где это?

– Конечно.

– К 9.00. Не опаздывайте. Следующий!

В памятке было написано: «При себе иметь необходимый солдатский набор: вещевой мешок, две пары белья, полотенце, мыло, зубную щётку и порошок, бритвенный прибор, две пары носков, запасные портянки, одеяло, простыню, котелок, кружку, ложку, ремни, верхнюю одежду (шинель, пальто или плащ), запас продуктов на сутки».

В конечном счёте из 18 человек их последнего предвоенного школьного выпуска желающих податься в народное ополчение набралось 7.

Встречаясь с Тоней, Женя понимал, что этой идиллии подходит конец, их ждёт неминуемая разлука. Они ходили по городу, обсуждая новости и наблюдая за тем, как меняется столица.

А менялась она буквально на глазах. Окна повсеместно крест-накрест заклеили бумажными полосками, что делалось во избежание ранений от разбитого стекла. Плотные шторы изнутри создавали светомаскировку. У кого не было штор, вешали одеяла. Витрины магазинов закладывались мешками с песком. Расчищались пожароопасные завалы. На чердаках домов размещались ящики всё с тем же песком, которые в дальнейшем стали просто незаменимы при тушении «зажигалок».

На заборах и на стенах домов расклеивались агитационные плакаты. Они не оставляли равнодушными никого. Люди проявляли живой интерес к наглядной агитации, и каждый новый плакат становился темой отдельного обсуждения.

Машины и городской транспорт с наступлением темноты соблюдали светомаскировку. Фары зачехлялись так, что были видны лишь узенькие щели, и те прикрывались козырьком, чтобы свет падал вниз, под колёса.

Салон в транспорте уже не освещался, как раньше. Кондукторши принимали деньги и отрывали билеты практически на ощупь. А ещё Женя с Тоней обратили внимание на такую особенность: почему-то в транспорте люди начали разговаривать вполголоса.

Трамваи передвигались, непрерывно звеня, давая знать о себе приподнявшимся пешеходам. Вокруг не светило ни одно окно, не горел ни один фонарь. Прохожие в такой темноте иной раз натывались друг на друга.

На очередном свидании Тоня сообщила, что её записали в аэростатную группу.

– Ну вот, хоть ты при деле, – Женя искренне порадовался за подругу. – Попробовала уже?

– Да, всюю уже таскаем.

– Как хоть вы справляетесь с такими махинами?

Аэростат воздушного заграждения действительно выглядел внушительно, а между тем манипулировали им всего несколько человек, чаще девушки.

– Да ты что? Это совсем не сложно. Ну, конечно, если нет сильного ветра. И ещё важно, чтобы в команде было не менее двенадцати человек. Одной не будет – можно потерять аэростат.

– Так вы его и отпустили, – подмигнул Женя.

– Нет, конечно, – заулыбалась она. – Но такой риск существует.

Накануне отправки Шура чуть не со слезами собирала брата.

– Да куда же ты так торопишься? Ну сказали же, успеешь ещё. Потом бы вместе со всеми своими пошёл. А за это время худо-бедно обучился бы, чему надо.

– Я уже и так достаточно умею. А чего не знаю, тому на месте обучат, – бодрился Женька, хотя понимал, что логика в рассуждениях сестры есть. Они шли воевать не абы с кем, а с регулярной армией, вооружённой до зубов, которая уже покорила пол-Европы. От этих дум он слегка даже рассердился на сестру. – Так, Шура, кончай эти разговоры. Не деморализуй ополчение в отдельно взятой квартире!

У «Калибра» 6 июля уже с утра было людно. Ребята сбились в кучку, стараясь держаться вместе. В какой-то момент Пастернак сказал, мотнув головой в сторону группы более старших новобранцев:

– Ребята, смотрите-ка – Глобус.

Так они за глаза называли учителя географии Михаила Андреевича Куницкого, добродушного сорокавосемилетнего мужчину с густыми светлыми бровями и лишённой всякой растительности головой.

– Точно! И он здесь. Надо же, – отозвался Женька.

Подошли, поздоровались.

– И вы в добровольцы? – Куницкий явно обрадовался бывшим подопечным. – А родители-то в курсе?

– В курсе, Михал Андреич, – ответил за всех Межибовский.

– Ну что ж, занимайте место в строю. Ну и давайте вместе, что ли, держаться. Мы с вами теперь практически отделение, – усмехнулся он.

Ребята знали, что у Глобуса ещё за Гражданскую имелся орден Красного Знамени. Геройский был учитель, с таким и на войну не страшно. Поэтому они с удовольствием окружили своего педагога и с гордостью стали поглядывать на остальных.

А народ собрался разношёрстный. Вот только совсем юных, как они, было не так много, в основном люди степенные, некоторые даже пожилые.

Объявили построение. Перед строем вышел первый секретарь Ростокинского райкома партии Георгий Жиленков. До недавнего времени – секретарь парткома завода «Калибр».

О том, что Жиленков возглавил Ростокинский райком партии, Женя Ануфриев узнал за год до этого, причём узнал совершенно случайно, просматривая газету, которую ему подсунул Овсянкин:

– Смотри, здесь про меня чуть-чуть, – ткнул пальцем Серёжка.

Но Женьку упоминанием в газете не удивишь, после того как он буквально стал героем одного из номеров «Московского комсомольца», будучи представлен портретной фотографией. А вот новость о Жиленкове отложилась в памяти. Помнится, ещё подумалось: смотри-ка, в гору пошёл человек.

И вот он, этот самый Жиленков, теперь перед ними и, возможно, скоро поведёт их в бой на ненавистного врага. Хотя, скорее всего, командиром дивизии будет человек сугубо военный. Но пока всем заправлял Жиленков.

Первый секретарь произнёс небольшую речь, как важна сегодня солидарность всего народа, как много зависит от каждого в отдельности. Когда он сказал, что задача ополчения будет заключаться в основном в обеспечении защиты родного города, охране его стратегически важных объектов, толпа одобрительно загудела.

– Но учтите, дисциплина в ополчении будет как в любом строевом подразделении. – Георгий Николаевич не обошёлся без назидания, поскольку уже были зафиксированы факты употребления спиртных напитков. – Мы с вами такие же бойцы. Поэтому попрошу уже сейчас, с самого начала, настроиться на выполнение всех необходимых требований. Разброд и шатания будут пресекаться самым суровым образом.

После Жиленкова слово взял кто-то из командиров среднего звена.

– Сейчас, товарищи ополченцы, согласно спискам, вы получите оружие и кое-что из обмундирования. Просим соблюдать спокойствие и дисциплину. Но прежде, чем это произойдёт, необходимо внести некоторые коррективы. – Он сделал небольшую паузу, заглянув в имевшуюся у него на руках бумажку, и продолжил: – Так, слушаем меня внимательно! Ополченцы 1921, 1922, 1923 и 1924 годов рождения, шаг вперёд!

Ребята переглянулись. Они не сразу поняли, что речь идёт о них.

– Ну, чего стоим? Пошли, что ли, – первым опомнился Мишка.

Все семеро вышли из строя. То же самое сделали ещё несколько таких же, как они, парней.

– А теперь мотайте отсюда! – сказал военный нарочито пренебрежительно. – Ну, что смотрите? Рано вам ещё, пацанва. Мы пока как-нибудь без вас разберёмся.

– Не имеете права! Мы уже зачислены! – попытался было возмутиться Межибовский.

– Ещё как имею! – безапелляционно заявил лейтенант.

Спорить было бесполезно. Опустив головы, ребята поплелись прочь.

– Вот и побили фрицев, называется, – бурчал под нос Юра Новосёлов.

– Да будет тебе, – успокаивал его Ануфриев, хотя сам был расстроен не меньше.

Дойдя до начала Сретенки, Лёнька Гайлис опомнился:

– А мне бабка в дорогу пятьдесят рублей сунула. Теперь их что, ей назад возвращать?

– Пойдёмте в кондитерскую! – предложил Женя.

Возражающих не оказалось. Расположившись в пустом зале, они набрали булочек и чая и принялись обсуждать последние события.

– Слушайте, а может, и хорошо, что нас в этот раз не взяли? – сказал Овсянкин. – Вы же слышали – охрана объектов. Скукота! Надо рваться в действующую армию. Вот где настоящее дело!

Было совершенно очевидно, что Серёжка просто пытался успокоить себя и друзей.

Так прошло ещё десять дней. 16 июля к Ануфриеву среди бела дня нагрянул Ваня Жаров.

– Жень, тебя в ЦК комсомола вызывают.

– Знаешь, Вань, скажи им, что ты меня не застал. Не хочется мне опять эти повестки разносить.

С Женей в знаменитое угловое здание на Маросейке поехали и его друзья – Овсянкин и Пастернак. Как выяснилось, они тоже были в числе «приглашённых».

– Где тут на войну мобилизуют? – спросил Серёжка запросто, как только приятели переступили порог заведения.

– На войну мобилизуют в военкомате, – поправили Овсянкина, – а мы только направление даём.

Ребятам указали на второй этаж. Пришлось отсидеть очередь. Такие же, как они, парни входили в кабинет, потом выходили, что-то заполняли за столом, опять входили. Когда наконец подошла их очередь, первым вошёл Женя.

– Проходите, товарищ, садитесь.

Кабинет был очень просторным. Посередине за председательским столом сидели трое. Один был в форме. «Малиновая петличка и одна шпала – капитан НКВД», – сразу отметил про себя Евгений. Двое других в штатском, судя по всему, ответственные работники ЦК.

– Ваша фамилия? – спросил капитан.

– Ануфриев.

– Ануфриев... А, как же, знаем, знаем. – Он поднял глаза и улыбнулся.

От этих слов Женя заёрзал, как на допросе. «Интересно, что они обо мне знают такого, чего я сам не знаю?»

– Так, вы у нас, значит, активист. Имеете прекрасную успеваемость. Ни одной тройки в аттестате. Похвально.

У Жени немного отлегло.

– Пользуетесь авторитетом у товарищей. Всё верно?

– Вроде так... – Он немного смутился.

– Не могли бы вы рассказать о своей семье? – сказал тот, что справа.

Выслушав Женин рассказ, капитан с удовлетворением заметил:

– Да, достойные люди – ваши братья и сёстры. Жаль, что с родителями так получилось...

Выдержав небольшую паузу, он спросил:

– Ну, а чем увлекаетесь?

– Много чем... Читать люблю. Фильмы смотреть. За футбол болею. Сам занимаюсь спортом.

– Каким?

– Лёгкой атлетикой.

– Хорошо. – Говоря это, капитан сделал пометку в своём формуляре. – Это все увлечения?

– Нет. Природу люблю. Охоту.

На последнем слове сидящие многозначительно переглянулись.

– А ну-ка, ну-ка, расскажите.

– А что рассказывать? Братья часто брали с собой, когда ходили охотиться. Ну и подна-торел немного.

Капитан продолжал делать отметки.

– Стреляете метко?

– Братья хвалят, – сказал Женя уклончиво.

– А что, если понадобится, и в лесу заночевать сможете?

– В принципе, да.

– На лыжах ходите?

– Да, конечно.

Жене захотелось было похвастаться своими победами в лыжных первенствах, но он внутренне себя одёрнул – вдруг сочтут бахвальством. И так достаточно наговорил.

– Ну, нам в целом всё понятно, – сказал капитан, переглянувшись с коллегами. – Как считаете, товарищи? Может, ещё есть вопросы?

– Да, – сказал тот, что слева. – Разрешите?

– Пожалуйста.

– А как насчёт армии? Служить хотите?

– Собственно, затем и пришёл.

– Ну что ж, раскрою небольшую тайну, – снова взял слово капитан, – у вас есть возможность попасть в элитные войска. Если, конечно, трудностей не боитесь.

– Не боюсь. Готов! – коротко ответил Евгений, внутренне буквально трепеща от навалившейся вдруг на него удачи.

– Ну, тогда так. Выйдите сейчас в коридор, там лежат бланки заявлений. Вам надо заполнить такой бланк. Заполните – заносите, мы скажем, что делать дальше. А если вдруг передумаете, можете уйти не прощаясь. Вам понятно?

– Да.

– Хорошо. Занимайтесь. А пока пригласите следующего.

Когда Женя вышел, ребята набросились с вопросами, отвечать на которые времени уже не было. Он просто сказал:

– Я согласился.

Прошли процедуру и оба его приятеля. У Пастернака за плечами был аэроклуб, поэтому он первым делом спросил: «Это авиация?» Не вдаваясь в подробности, ему ответили, что нет. Он решил пока не писать заявление. Овсянкину вежливо отказали, поскольку он был очкариком. В итоге из троих собеседование прошёл только Женя.

Когда он вновь появился в кабинете, капитан бегло прочёл заполненный бланк и жестом снова указал на стул. Он вытащил две бумажки, быстро написал на них что-то и протянул Ануфриеву.

– Первое – это предписание явиться 18 июля на стадион «Динамо». Там вам надо будет пройти медкомиссию и в случае положительного результата получить обмундирование. И вот справка о том, что в ряды Красной армии вы вступаете добровольно. Печать поставите в канцелярии. Желаю вам успехов. – С этими словами он встал и протянул Жене руку. – Думаю, мы скоро услышим о ваших подвигах, – добавил капитан с улыбкой.

Женя улыбнулся в ответ и вышел. В руках у него были вожеленные документы. После завтра он уже сможет надеть военную форму! После стольких перипетий в это трудно было поверить.

Вечером они встретились с Тоней. Узнав о последних событиях, она заметно погрузнела.

– Ладно, не беда, – успокаивал Женька. – Будем переписываться. Вот увидишь, время пролетит незаметно. Скоро мы погоним всю эту нечисть назад, у них только пятки засверкают.

Тоня припала ему на плечо:

– Эх, быстрее бы всё это кончилось. И снова началась мирная жизнь.

Перед тем как расстаться, они ещё немного прогулялись по привычным местам.

– Помнишь, ты меня спрашивал, как мы справляемся с аэростатом?

– Ну?

– Я тебе ещё говорила, что возможен риск его потери.

– Помню, конечно.

– Так вот, у нас тут недавно случилось ЧП. Один из аэростатов случайно сорвался. И на нём оказался боец, успел зацепиться в последний момент. В общем, полетел на нём, как на ковре-самолёте.

– Выжил?

– Не только выжил, но и приземлил его, не повредив линии передачи и прочего. Несмотря на большую высоту, дождался, пока аэростат пролетит населённые пункты, и только после этого стравил газ. В результате аэростат упал в поле в ста километрах от Москвы. Там же обнаружили и бойца.

– Ты смотри!

– За грамотные действия его представили к награде. Так что и среди нас есть герои, – заявила она не без гордости.

– Не сомневаюсь, Тоня. Я теперь, когда вижу в ночном небе эти ваши гигантские огурцы, всегда вспоминаю тебя. Представляю, что какой-то из них запущен тобой.

Они обнялись и поцеловались. Юность таяла на губах...

Настал назначенный день. Стадион был уже не тем, каким Женя знал его до войны. Теперь он выглядел как настоящий военный объект. Поверх трибун была натянута зелёная маскировочная сетка.

Внутри сооружение бурлило народом. Таких, как Ануфриев, там было большинство.

– Куда мне? – показал он предписание первому попавшемуся военному.

– Вон, видишь вход? – махнул тот в сторону северной трибуны. – Тебе туда.

В этом хаосе с ходу разобраться было непросто. Но, осмотревшись, Женя понял: в подтрибунных помещениях новобранцы проходили комиссию; на трибунах сидели ожидающие очереди и уже получившие обмундирование; на поле происходили тренировочные баталии – шли штыковые бои, отрабатывались приёмы самбо; в помещении тира развернулась подготовка снайперов и стрелков.

Он зашёл под трибуну, подошёл к стоящему у стены столу и протянул предписание.

– Так, Ануфриев... Есть такой! – быстро найдя его в списке, обрадовался такой же, как он, молодой парнишка. – Занимайте очередь в кабинет. Врач приглашает по пять человек. В случае успешного прохождения комиссии вам выдадут жетон, с ним – на получение обмундирования.

– Иди сюда, приятель! – позвал Женю высокий атлет, стоящий у кабинета. Вместе с ним приёма ожидали ещё трое. – Как раз пятым будешь. Сейчас уже вызовут.

Когда Женя приблизился, росляк протянул руку:

– Будем знакомы – Валера.

– Евгений.

– О, а вот и твой тёзка – тоже Евгений, – показал он на симпатичного, с зачёсанными назад русыми волосами соседа.

– Дешин, – представился тот.

Остальные двое оказались Олегом и Владимиром. Женя успел обратить внимание, как они контрастировали между собой. Если Олег, судя по широким парусиновым брюкам и лёгкой светлой рубашке с широким воротником, был явно из местных, то по поводу Володи гадать не приходилось: вид у него был типичного деревенского паренька, а китель железнодорожника красноречиво говорил о его профессиональной принадлежности.

Ждать действительно пришлось не более пяти минут. Медик оказался строгим и дотошным дядькой. Первым делом придрался к бледному виду Дешина. Потом мучил Олега, фамилия у которого оказалась Черний, по поводу развивающегося у того плоскостопия.

– Ты, брат, с этим не шути, – предупредил он. – Разминай, массируй, обувь носи на каблуке. Хотя о чём я? – спохватился эскулап. – После войны теперь уже. Так, кто тут у нас ещё?

– Москаленко, – бойко ответил Валера.

– О, хорош! – разглядывая мускулистый торс юноши, похлопал его по плечу врач. – Каким спортом занимался?

– Греблей.

– Отлично! Теперь ты, – ткнул он пальцем в Володю. – Как тебя?

– Аверкин Владимир Павлович.

Железнодорожник тоже был спортивного телосложения, но ниже Валеры ростом и уже в плечах.

– Тоже спортсмен?

– Первый юношеский по лёгкой атлетике.

– Орлы!

Следующим был Ануфриев.

– А ты чего такой щуплый? – скривился врач.

– Скорее поджарый, – поправил его Евгений. – А вообще я девятый в семье, вся начинка старшим досталась.

– Ишь ты, ещё один остряк. Насмотрелся я вашего брата, вы тут через одного зубоскалы. – Врач сделал паузу и отцовским тоном добавил: – Всё правильно, пацаны, на войне так и надо. Иначе, ещё не начав, проиграешь. Больше юмора! – Потом хлопнул в ладоши: – Так, а теперь проверим ваше зрение.

В этом плане отклонений ни у кого не было. Женя уповал лишь на одно: чтобы словоохотливый медик не принялся рассматривать его руки. Он всё время старался держать их за спиной. Обошлось! Вскоре все пятеро стали обладателями заветных жетонов.

Пока подбирали форму, познакомились поближе. Оказалось, что Дешин родом из Тулы, а в Москве учился в энергетическом институте. Валерий Москаленко и Олег Черний – студенты МГУ, один – геолог, второй – биолог. Володя Аверкин действительно приехал из деревни, откуда-то из-под Рязани. В Москве уже полгода. Живёт в общежитии. Работает в депо Курской-Товарной и учится в железнодорожном техникуме.

Однако наиболее ценным для Ануфриева стало известие о самом воинском формировании, в которое все они по воле случая попали служить. Оказалось, что их ждёт судьба разведчиков, даже больше того – диверсантов. Женя раньше с предубеждением относился к слову «диверсант». Но, как выяснилось, существуют и хорошие диверсанты – те, что на стороне добра. Такими диверсантами и предстояло стать всем пятерым.

При получении обмундирования кто-то из новобранцев поинтересовался:

– А когда же на фронт?

Этот вопрос, конечно, беспокоил всех, но у большинства хватало благоразумия не проносить его вслух. У Евгения – тоже, после того как он узнал некоторые подробности. Но в любом коллективе всегда найдётся человек, который по наивности выскажется за всех.

– На фронт? – переспросил интендант. – Это ты, дорогой, слегка торопишь события. У вас впереди ещё месяца три напряжённой учёбы и подготовки. Фронт... Ишь ты! – усмехнувшись, мотнул он головой.

Дальнейшие вопросы были излишними.

Домой Женя завалился с охапкой военной одежды. Ему не терпелось похвастаться перед сестрой обновками, но Шуры дома не оказалось.

Он надел галифе, гимнастёрку, не без усилий натянул сапоги, глянул на себя в зеркало и обомлел. Перед ним стоял совершенно другой человек – статный, элегантный, красивый. Потом ещё приладил пилотку и убедился, как же всё-таки форма преображает внешность.

Женя решил безотлагательно навеститься к старшему брату. Не только предстать в новом облике, но и получить своеобразное благословение, поскольку относился к Ивану как к отцу.

Подпоясавшись ремнём, он вышел из дома. Было немного непривычно. Необношенное обмундирование при ходьбе доставляло неудобства. Ноги в дубовых ещё сапогах плохо сгибались, а гимнастёрка в некоторых местах натирала. Несмотря на обычное в таких случаях смущение, Женя старался выглядеть непринуждённо. Привычно здоровался с соседями, каждый из которых отпускал в его адрес комплимент и долго провожал восхищённым взглядом. Кто-то цокал языком:

– Солдат...

Местных мальчишек вообще пришлось шугануть за слишком активное внимание к его персоне. Но самая большая сложность, с которой столкнулся красноармеец Ануфриев, – это встречи с такими же, как он, военными. Воинскому приветствию он пока обучен не был, да и стеснялся. Поэтому, увидев человека в погонах, пытался спрятаться за спины гражданских. Иногда это удавалось, иногда с трудом, и тогда ситуация становилась нелепой. Но служивые, видя новичка, делали вид, что не замечают его неловкости, возможно, потому, что и сами когда-то были такими же.

И ещё одного не учёл новоиспечённый боец. Его маршрут пролегал через Красную площадь, а каждый военный при прохождении мимо Мавзолея обязан был отдать честь вождю мирового пролетариата. Ануфриева выручило то, что на площади из военных он оказался не один. Присмотрев, как козыряют в сторону Мавзолея остальные люди в погонах, он тоже прило-

жил правую ладонь к головному убору. Казалось, в этот момент вся площадь смотрела только на него.

Опустив руку, Женя неловко огляделся – никому до него не было дела.

Брат, открыв дверь, в полумраке парадной явно не признал родственника. Он некоторое время смотрел на человека в военной форме и не мог понять, что тому надо.

– Женька, ты, что ль? – наконец проронил Иван.

– Не Женька, а красноармеец Ануфриев!

– С ума сойти! Встретил бы на улице – не узнал бы. И так редко тебя вижу, а тут ещё в форме. Ну, удивил, братец, ничего не скажешь!

Он посторонился, давая Женьке войти в квартиру.

– Проходи, проходи. Дай-ка я тебя получше рассмотрю. А повзрослел-то как сразу. Форма тебе явно к лицу. Зина! – позвал он жену. – Иди-ка, глянь на этого вояку!

– Ух ты, да это же наш Женька! – Невестка тоже не смогла сдержать удивления.

Они обнялись.

– Давай-ка мы с тобой его накормим и спросим, что да как, – предложил Иван.

За столом Женя навернул порцию голубцов и, довольный, откинулся на спинку дивана.

– Ну так что? Куда попал? – Старшему брату не терпелось узнать, в какие войска угодил младшой.

– Диверсанта из меня будут делать, – гордо заявил Женя. – Я им так и сказал в военкомате, что на меньшее не согласен. Ну, сам посуди, на лыжах хожу бойко, стреляю метко. Я в тылу этим немцам такого шороха наведу!

– Ты серьёзно? – Брат принял всё за шутку.

– Серьёзнее некуда, – сказал Женька уже не таким игривым тоном. – Попал я, брат, в особые войска. Только эта новость не для разглашения, сам понимаешь. Поднатаскают нас как следует и зашлют в самое вражеское логово. И будем мы эту гидру фашистскую изнутри душить.

– Вот оно как. А я уж было подумал, разыгрываешь ты меня. Самому-то не страшно?

Женя немного растерялся от такого вопроса.

– Вот ты меня сейчас спросил, – ответил он, – а я ведь над этим вопросом даже не задумывался. Пока не думаешь, не страшно. Наверное, лучше и не думать. – Он немного помолчал и вдруг словно опомнился: – А знаешь, с какими ребятами мне выпала честь служить! Элита! Лучшие из лучших! К нам так просто не попадёшь! Мне такой отбор пришлось пройти!

– Да я уже понял всё об этом отборе, – Иван усмехнулся. – Если тебя с твоим пальцем в диверсанты записали.

Женя внезапно сконфузился.

– Да ладно, всё прекрасно понимаю. Время сложное. Ускоренный набор. Да и ты там своим перстом не особо размахивал. – Брат всегда как в воду глядел. Что-то утаить от него было невозможно.

– Так ты одобряешь? – Хотя Женя для себя уже всё решил, ему было важно слово брата.

– Воюй, конечно. Защищай державу! Самое последнее дело – в тылу отсиживаться. Я бы и сам не прочь, да кто ж меня отпустит.

Это была правда. Работа Ивана была связана со строительством секретных объектов. Это потом Женя узнал, что его брат трудился сначала инженером у Микояна, потом вместе с Курчатовым строил атомный реактор, после войны был заместителем председателя Госстроя СССР, а затем заместителем министра строительства предприятий угольной промышленности СССР. Ездил по обмену опытом за границу. Такого уровня специалистов на всю страну было раз-два и обчёлся. И сегодня его передовая, конечно, была здесь, в Москве.

– Ну так какие планы теперь у красноармейца Ануфриева?

– За красноармейца Ануфриева теперь думают другие. Сам он уже планов не строит. Пока сидим в Москве. А дальше – куда пошлют.

– Ты хоть сообщи нам о своих передвижениях. По крайней мере, через Шуру.

– Обязательно!

Они обнялись, и Женя, довольный этой встречей, пошёл на прощальное свидание с Тоней.

– Какой ты, Женька, красивый в этой форме! – восхитилась Тоня.

Они опять долго гуляли. Подруга не просто держала его под руку, а как можно сильнее прижимала к себе его локоть и даже изредка склоняла голову на плечо. Она явно испытывала гордость перед окружающими за своего парня.

– Ну чего ты всё вздыхаешь? – не выдержал Женька.

– Ой, боюсь я, вдруг что случится. Война всё-таки...

– Да не бойся ты, дурочка. Ничего со мной случиться не может.

– Это почему же?

– Заговорённый я! Поняла? – Женя сам не ожидал от себя таких слов. Просто захотелось успокоить девушку, вот он с ходу и выпалил первое, что пришло в голову.

Тоня, ошеломлённая признанием друга, смотрела на него с явным недоумением. Он решил, что раз сказал, то останавливаться уже нельзя:

– Да-да, меня бабка в деревне одна заговорила. Теперь ни нож, ни пуля меня не берут.

– А почему ты раньше мне этого не говорил?

– Да как-то речь не заходила, – продолжал он придумывать. – Да и не придавал я этому особого значения, пока однажды не проверил силу заговора.

– Расскажи! – потребовала Тоня.

– Связался с дурной компанией. Но вовремя одумался. А законы в преступном мире знаешь какие? Если ты решаешь покинуть банду, тебя убивают.

Тоня в ужасе хлопала глазами. Он едва сдерживался, чтобы не засмеяться.

– Вот и меня решили убрать. Только ничего у них не получилось – нож сломался! Вот тогда я первый раз и вспомнил бабку-ведунью. После этого ко мне уже не лезли.

По поводу компании была чистая правда. Однажды он действительно чуть не попал в воровскую шайку. Ею управлял рыжий мальчишка по кличке Бесик. Наглый и бесстрашный, как все лидеры. Компания обитала в основном на Мытищинской улице, в бараках.

Жене сказали: «Пойдём, мы тебе покажем, как это делается». Привели в кинотеатр «Форум» и на его глазах вытащили 20 рублей из дамской сумочки. «Видал? – сказал один из воров, показывая Женьке две десятирублёвки. – И всего делов-то!»

Но Жене это не понравилось, и он прекратил встречаться с ворами. Никто его, конечно, за это не преследовал. Позже он узнал, что воришки вляпались и их посадили по уголовному делу. А Бесик чуть раньше напоролся на финку, возможно, залез не в тот карман...

Как бы то ни было, Женя решил не раскрывать перед Тоней карты, чтобы не оправдываться за свой вынужденный обман. Пусть верит в сказочку о его мнимой заговорённости. Ей так будет спокойнее. Мог ли он знать, что и сам со временем поверит в свою безусловную неувязимость.

Бригада

В конце концов дело было сделано – своим близким Евгений показался, его решение, пусть и с определённой долей смятения, все одобрили. Теперь со спокойным сердцем можно было погружаться в службу.

Ануфриев начал потихоньку собирать сведения о соединении, в котором ему предстояло проходить службу. Это были войска Особой группы при НКВД СССР, впоследствии переименованные в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН).

Формирование группы началось 27 июня 1941 года. О ней сразу было заявлено как об элитном соединении, поскольку в ряды чекистского спецназа влились настоящие легенды советского спорта. Назывались имена Анатолия Капчинского, конькобежца, многократного чемпиона страны; боксёров Николая Королёва и Сергея Щербакова, знаменитых легкоатлетов Георгия и Серафима Знаменских, штангиста-рекордсмена Николая Шатова, лыжницы Любви Кулаковой, восьмикратного чемпиона страны борца Григория Пыльнова и многих других. Конечно же, было почётно оказаться среди таких именитых людей.

Структурно соединение состояло из двух бригад. Женька был зачислен во вторую, имевшую непосредственное отношение к Коминтерну. В этой бригаде проходили службу представители коммунистических партий Испании, Италии, Польши, Болгарии, Китая, Вьетнама, Чехии, Румынии, не исключая и Германии. Для кого-то лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был просто лозунгом, а Ануфриеву волей-неволей пришлось воплощать его в действие, воюя плечом к плечу с этими пролетариями против общего врага.

Более того, на первых порах советские патриоты учились у коминтерновцев переполняющей их ненависти к фашизму. Особенно у испанцев. Эти смуглые ребята с ослепительными улыбками мгновенно преображались, как только речь заходила о нацистах. Более других Евгению запомнились партийные работники и представители испанской республиканской армии Анфель Эррайс, Паулино Гонсалес, Фелипс Артуньо, Рональд Эскрибано, неугомонный шутник Хесус Ривас, большеглазая курчавая девушка Хуанита Прот, высокая стройная Мария Фернандес. Вспоминая расстрелянных жён и мужей, голодных детей в лачугах Бильбао, все они рвались в бой с немецкой нечистью.

Некоторые вещи Ануфриеву казались странными. Например, вместо рот в их батальоне были отряды, вместо взводов – группы, вместо отделений – звенья. «Как в пионерлагере, ей-богу», – думалось тогда ему. Как молодой воин, он ещё не мог знать, что такая терминология была введена не случайно. Она объяснялась спецификой чекистского спецназа, когда в ходе спецоперации, условно говоря, роты было много, а взвода – мало. Это была не игра слов, а элемент тактики.

И ещё одна странность смущала Евгения. Известно, что новобранцев в армии стригут наголо, но бойцам войск Особой группы, напротив, запрещали стричься. Выглядело это несколько нелепо. Например, любой гражданский, глядя на такого воина, мог подумать, что перед ним неопрятный тип. А военный патруль вообще мог принять бойца за ряженого или, того хуже, вражеского диверсанта.

Но все эти странности были особенностями воинского формирования, которому предстояло проводить специальные операции в тылу врага.

Новобранцев временно разместили в здании Литературного института на Тверском бульваре, куда продолжали прибывать добровольцы. Насколько же они все были разными – студенты, рабочие, служащие, преподаватели вузов или, как сам Ануфриев, бывшие десятиклассники.

Если ядром группы, её руководящим звеном стали в основном пограничники, то среди личного состава, как ни странно, лидерами сразу определились ифлийцы. Так называли студентов Московского института философии, литературы и истории.

Все они были активные и бойкие ребята. Один Гудзенко чего стоил. Без него не обошлось ни одно мероприятие. Сарик (производное от данного ему с рождения импозантного имени Сарико), или, как потом его начали называть, Семён, всегда находился в центре событий. Что в боевой и политической подготовке, что в художественной самодеятельности, что в стенной и фронтовой печати – неизменно на первых ролях. Запевала, декламатор, талантливый автор – в нём переплелись самые незаурядные способности.

Тягаться с ним в разносторонности знаний мог разве что Лазарь Паперник. Этот рослый, смуглый, кучерявый красавец в сочинительстве, конечно, был не так силен, как Гудзенко, но в спорте мог дать фору любому, поскольку владел и искусством верховой езды, и снайперским делом, был планеристом и лыжником, мотоциклистом и пловцом, мог одинаково интересно и динамично провести комсомольское собрание и концерт. Так что застрельщиков в бригаде хватало.

А ведь и в самом деле, первое время у многих, в том числе и у Ануфриева, создавалось впечатление несерьёзности происходящего. Все они были ещё романтиками. Несмотря на сложившуюся трагическую ситуацию, в молодых людях сохранялось определённое мальчишество. С одной стороны, каждый из них был готов к подвигу, с другой – не прочь был побалагурить. Не зря говорится, что лучшие солдаты – это подростки или даже дети. Они в полной мере ещё не осознают, что такое страх, и способны на самые безрассудные поступки. Таким тогда был, пожалуй, каждый второй.

Может показаться, что первое время новобранцы бездельничали, но это не так. Если полноценный учебно-образовательный процесс ввиду отсутствия оборудованной базы обеспечить для них пока не представлялось возможным, то в азы военной службы их начали посвящать незамедлительно.

Первым делом, конечно же, воинский устав. Его бойцы зубрили от корки до корки. И хотя ифлийцы в силу своих высоких гуманитарных познаний относились к уставу весьма скептически, даже им не надо было объяснять важность и неизбежность этого документа.

К изучению было рекомендовано и «Руководство для бойца пехоты». Вот только в нём встречались презабавнейшие цитаты. Многих Жениных сослуживцев и его самого, например, смутило следующее: «Зимой действия всех родов войск должны отличаться решительностью, смелостью и дерзостью. Прокладывая себе дорогу огнём, лыжники должны стремиться к неукротимому движению вперёд, до полного разгрома противника и выполнения поставленной задачи».

Сам собой напрашивался вопрос: почему «действия всех родов войск должны отличаться решительностью, смелостью и дерзостью» только зимой? А как же в другое время года? Суть второго предложения вообще сводилась к одной фразе: «идти напролом». Просто переть вперёд, и всё, наудачу, несмотря на шквальный огонь противника?

Подобные крамольные мысли, конечно, никто не произносил вслух, но втихую и чаще между собой они обсуждались. Но вот когда спустя время Евгений побывал в реальных боях, он пожалел, что когда-то ему не хватило духа, а главное, опыта раскритиковать абсурд, заложенный в этих, с позволения сказать, тезисах. Дело в том, что, как выяснилось, воевать на лыжах вовсе нельзя! Просто невозможно ехать на лыжах и вести прицельную стрельбу. Лыжи предназначены исключительно для переходов на дальние расстояния по глубокому снежному покрову. Во время же боя их необходимо снимать, и тот, кто этого впоследствии не делал, оставался лежать в глубоких снегах. Жаль, что не нашлось людей, которые объяснили бы это с самого начала, вместо того чтобы подсовывать оторванные от реальной жизни руководства.

Впрочем, помимо фундаментальных основ службы, немало внимания уделялось и более приземлённым вещам. Например, таким, как правильное ношение отдельных элементов форменного обмундирования.

– Есть уже такие, кто успел натереть портянками ноги? – собрав вокруг себя отряд, спрашивал военврач Альберт Цессарский, молодой и нескладный выпускник медицинского института.

Кто-то поднимал руку.

– Вот вы! – показывал военврач пальцем на долговязого Николая Лебедева. – Выйдите сюда, пожалуйста.

Лебедев, которому из-за большого размера ноги и сапоги-то подобрали не сразу, встал на самое видное место.

– Снимайте сапоги, показывайте. Ну, смелее!

Глазам новобранцев представала не очень эстетичная картина – ноги бойца были истёрты в кровь.

– Ну что, видите? – торжествуя говорил Цессарский. – И это задолго до боевого похода с полной выкладкой. А всё почему? Абсолютное отсутствие навыков пользования таким хитроумным приспособлением, как портянка. А между тем это основа основ! Не научитесь мотать портянки – выйдете из строя сами и поставите под угрозу боеготовность подразделения.

Далее медик подробно и по нескольку раз демонстрировал хитроумную науку наматывания портянок, заставлял повторять за ним, а затем указывал на ошибки тем, кому это не давалось, и, напротив, не скупился на похвалы для тех, кто умело справлялся с задачей.

– Вот, берите пример с Аверкина! – восклицал он. – Смотрите, как ловко и быстро накручивает! Даже у меня вряд ли так получится. Кто-кто, а он уж точно не пропадёт! Все должны научиться мотать портянки, как Аверкин! – заключил Цессарский. – Тренируйтесь до иступления, завтра проведём контрольные занятия.

– Ты где так поднаторел? – спрашивал потом Аверкина Женька.

– Так всю жизнь же в колхозе. Там без кирзачей никак, – улыбался Володя. – Это я только здесь на ботинки перешёл. А мастерство-то не пропьёшь.

Женя тоже неплохо управлялся с портянками, так что они с Аверкиным сразу оказались у командования на хорошем счету.

21 июля на Москву был совершён первый вражеский авианалёт, судя по всему, разведывательный. Массированная бомбардировка города началась на следующий день. В ней участвовало около 200 немецких самолётов. Это были лучшие эскадрильи германских военно-воздушных сил – люфтваффе. Часть из них лишь недавно перебросили на Восточный фронт с аэродромов Южной Европы для выполнения поставленной Гитлером задачи: «Москва должна быть стёрта с лица земли!»

Воздушная атака на столицу и её пригороды началась в 22.25 и продолжалась пять часов. Облетев Москву по периметру, бомбардировщики заходили на цели с разных направлений. Они шли эшелонами по 50 самолётов с интервалом в 10–15 минут. В 3.25 утра 22 июля бомбы прекратили взрываться и огонь зенитных батарей стих.

Первая с начала войны воздушная атака на Москву и её ближайшие пригороды была отбита, хотя ущерб, причинённый авиацией противника, был велик. В ту памятную для москвичей ночь немцы разрушили и подожгли почти 70 жилых домов и 17 крупных промышленных предприятий. В свою очередь, Совинформбюро сообщило об уничтожении 22 вражеских бомбардировщиков.

Ровно через месяц после начала войны жители Москвы и прилегающих к столице районов в полной мере ощутили, что война – это уже не далёкая линия фронта.

Женя очень переживал за Тоню. Как она там? Ведь их команда являлась частью подразделений ПВО. Как потом выяснилось, именно аэростаты стали причиной того, что первая бомбардировка Москвы произошла не 21, а 22 июля. Немцы, спасаясь от прожекторов, поднялись на предельную высоту 4500 метров. Пилоты вынуждены были надеть кислородные маски. Но даже там они встретились с нашими аэростатами, что для них стало полной неожиданностью. Ведь когда они бомбили Англию, аэростаты не поднимались выше 2000 метров. И бомбардировщики были вынуждены повернуть назад. Только 22-го, с учётом опыта первой неудачной вылазки, противнику удалось в определённой мере воплотить свои коварные замыслы.

23 июля ближе к вечеру в расположении бригады раздалась команда «По машинам!», и относительно беззаботная жизнь для новобранцев закончилась. Сначала их доставили на Ярославский вокзал, а далее электричкой до станции Строитель.

Несмотря на светомаскировку, Женя сразу узнал Мытищи. Подмосковье он успел изучить как свои четыре с половиной пальца. Где ему только не довелось пожить, пока он кочевал вслед за сёстрами из школы в школу. И вот теперь в окне показались знакомые очертания не самого мелкого подмосковного городка.

– Мытищи, ребята. На динамовское стрельбище везут, – объявил он сослуживцам.

Мытищи

Всё, что происходило с личным составом войск Особой группы, было результатом решений, принимаемых руководством и конкретно генералом Судоплатовым. Именно этот легендарный человек был мозговым центром чекистского спецназа. Хотя само соединение находилось в непосредственном подчинении наркома внутренних дел Лаврентия Берии, а Павел Анатольевич Судоплатов числился всего лишь куратором, без его участия и по большому счёту без его инициативы не принималось ни одно судьбоносное решение.

Войска Особой группы при НКВД отвечали за всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии. Перед подразделениями группы ставились задачи развития массового партизанского движения и помощи советскому подполью на временно оккупированных территориях, глубокой разведки в тылу противника, выявления планов командования немецкой армии, помощи Красной армии диверсиями в тылу врага, совершения актов возмездия над изменниками Родины.

Реформирование соединения, особенно на начальном этапе, происходило чуть ли не ежемесячно. Если немного забежать вперёд, можно проследить эту трансформацию. До октября 1941 года войска Особой группы структурно были разделены на две бригады. Затем бригады переформировали в полки: четырёхбатальонный и трёхбатальонный со специальными подразделениями (сапёрно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов). Эти два полка и составили Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения – ОМСБОН. Самих же бойцов стали звать омсбоновцами.

Командиром ОМСБОНа был назначен полковник Михаил Фёдорович Орлов, комиссаром – капитан государственной безопасности Алексей Алексеевич Максимов, начальником штаба – подполковник Фёдор Иванович Седловский. Первым полком командовал подполковник Вячеслав Васильевич Гриднёв, вторым – майор Сергей Вячеславович Иванов.

Все решения о реорганизациях и назначениях принимались в высоких кабинетах, бойцам оставалось только исполнять директивы и подстраиваться под стиль руководства командного состава. Впрочем, именно командиры на протяжении всего существования ОМСБОНа являлись гордостью соединения. Каждый был незаурядной личностью и пользовался высочайшим авторитетом среди личного состава. Их послужные списки говорили сами за себя.

Например, уроженец Тульской губернии Михаил Фёдорович Орлов был самого что ни на есть рабочего происхождения. В 1919 году вступил в РКСМ и начал работать уполномоченным укома комсомола (так тогда называлась эта должность), а затем стал председателем райкома комсомола. В декабре 1920-го добровольно вступил в Красную армию и участвовал в боях по разгрому антисоветских мятежей. Был кремлёвским курсантом в Объединённой военной школе им. ВЦИК; в 1924 году по Ленинскому призыву вступил кандидатом в члены ВКП(б), а в феврале 1926 года – в члены партии. В 1930–1931 годах принимал участие в борьбе с бандитизмом в Азербайджане и с басмачеством в Средней Азии. Длительное время служил в войсках НКВД, работал в военных учебных заведениях. Перед началом Великой Отечественной войны возглавлял Себежское военное училище НКВД и заочно учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе. На посту командира ОМСБОНа полковник Орлов пробыл с октября 1941 по август 1942 года и с ноября 1943 по октябрь 1945 года.

С августа 1942 по ноябрь 1943 года действиями соединения руководил полковник Вячеслав Васильевич Гриднёв, ещё один достойнейший человек и уважаемый командир. Вехи его жизненного пути весьма примечательны. Он был среди солдат электротехнического батальона при захвате Петроградского телеграфа во время Октябрьской революции. В 1918 году вступил в ряды РКП(б), воевал на Восточном фронте, подавлял контрреволюционный мятеж в Саратове. В 1921 году начал работать в Московской чрезвычайной комиссии. С этого вре-

мени вся его дальнейшая жизнь связана с безопасностью страны. После окончания Высшей пограничной школы стал комендантом погранучастка, несшего охрану советско-иранской границы. Сражался с басмачами, неоднократно пытавшимися перейти границу. В биографию Гриднёва вписана и ликвидация банды Кябила Касум-оглы. В общей сложности 12 лет прослужил Гриднёв на границе. Коммунист, чекист, в дальнейшем член ЦК Компартии Азербайджана. В лице Гриднёва ОМСБОН имел отличного командира, большевика с огромным опытом партийно-политической работы, пример для подражания молодым бойцам.

Говоря о самых авторитетных командирах бригады, нельзя не упомянуть Михаила Сидоровича Прудникова. Родился он в 1913 году. Детство и юность провёл в сибирской деревне. Работал в колхозе. В 1930 году по путёвке ЦК ВЛКСМ пошёл матросом на буксирный пароход «Новосибирск». В 1931-м добровольно вступил в ряды Красной армии. Каракумские пески. Пограничная застава. Борьба с басмачами. В 1940–1941 годах – слушатель ордена Ленина Высшей школы войск НКВД СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.